

НУРАНИ

**ТРАГЕДИЯ
ДЛИНОЙ
В ДЕСЯТКИ ЛЕТ**

БАКУ- 2008

Карабахский конфликт стал лишь очередным звеном в цепи армянских территориальных захватов на Южном Кавказе

НУРАНИ

ISBN 9952805853

© Нурани, 2008

На февраль 2008 года приходится печальный юбилей - двадцатая годовщина противостояния между Арменией и Азербайджаном, вспыхнувшего из-за притязаний Армении на азербайджанский Нагорный Карабах. И если ход переговоров по его урегулированию освещается и обсуждается в СМИ весьма подробно, то событий, происходивших на ранних этапах, аналитики, журналисты и посредники предпочитают не касаться, отделываясь фразами вроде “надо смотреть вперед, а не назад”, “следует искать пути к примирению, а не перечислять прошлые обиды” и т.д.

Однако вряд ли можно всерьез надеяться урегулировать конфликт, не вникнув в его суть. И именно то, что происходило на ранних стадиях конфликта, позволяет представить себе, чем в действительности был вызван карабахский конфликт.

Земля и воля

События, которые сегодня в Армении и армянской диаспоре именуют “карабахским движением”, в тех же кругах принято представлять как массовое народное движение, проявление демократии и т.д. В самом деле, в репортажах программы “Время” все выглядело весьма красочно и демократично: шумные митинги на Театральной площади Еревана и перед обкомом ЦК КП Азербайджана в Степанакерте, ныне Ханкенди, столице бывшей НКАО, лозунги в поддержку Горбачева и его “перестройки”, перемежающиеся с требованиями “воссоединить” Карабах и Армению. Перед камерами лидеры комитетов “Крунк”, действовавшего среди азербайджанских армян, и “Карабах” – объединившего ереванских, рассуждали о том, что жители Нагорного Карабаха хотят смотреть передачи армянского телевидения, в армяноязычных школах дефицит учебников и т.д., и для решения всех этих проблем Карабах необходимо присоединить к Армении.

Тогда же Павел Гутионтов, корреспондент газеты “Известия”, подметил удивительную деталь. На вопрос, как отнесутся азербайджанцы к передаче Карабаха в состав Армении – это ведь и их земля – армянские лидеры отвечали: “Надо объяснить азербайджанцам, что это наша вековая мечта!” Вот так, недоумевал журналист, не спросить, не посоветоваться, а “объяснить”!

И уже на этом фоне наиболее дальновидные аналитики задавали неудобные вопросы: почему лидеры “карабахского движения” в армянской среде даже не пытаются решить эти проблемы иначе? Почему бы не обсудить с властями Азербайджана вопрос о постройке

ретранслятора, который позволил бы смотреть в Нагорном Карабахе передачи армянского телевидения, договориться о дополнительных поставках учебников и т.д.? И не используется ли фразеология о правах, культурном сотрудничестве и т.д. просто как “пиар” для территориальных претензий? Потому как, по крайней мере, показательно, что в своей книге “Кровавый омут Карабаха” русский писатель Юрий Помпеев приводит весьма примечательное высказывание Федора Шелова-Коведяева, бывшего когда-то доверенным лицом на выборах у Галины Старовойтовой, политика, которую в Армении и сейчас считают “национальной героиней”. Уже в должности первого заместителя министра иностранных дел России на борту самолета ИЛ-68, выполнявшего рейс Брюссель-Москва, он признал: “Конфликт в Нагорном Карабахе – это хорошо спланированная, заранее подготовленная акция, провести которую выпало коммунистическому руководству Армении”. По его же словам, “лидеры “карабахского движения” гипертрофировали принцип самоопределения нации, доведя его до той крайности, за которой начинается сепаратизм”.

Уже потом аналитики обратят внимание и на другое: в Нагорном Карабахе с невероятной скоростью был сделан шаг в сторону вооруженного противостояния и этнических чисток под лозунгом «Армения для армян». Первыми жертвами оказались азербайджанцы, но насильственной депортации подвергались также курды, русские, евреи...

Газета «Журнал дью диманш», выпускаемая в Париже, от 24 января 1990 года писала: «В последние дни из Ливана в Ереван продолжают прибывать самолеты, с грузом тяжелого вооружения, минометов и автоматов. Разгрузка этих самолетов осуществлялась по ночам под кон-

тролем работников армянской таможни. Свободные от всякого покровительства вне республики, они больше всего поддерживают сторону армянских экстремистов. Вот уже несколько лет, как в таможне аэропорта нет ни одного служащего русской национальности. Перевозка этого вооружения, возможно, началась с сентября. С момента возгорания гражданской войны в Нагорном Карабахе, в Ереване и селах, на территории, расположенной между столицей и Азербайджанской границей, часто можно встретить группу вооруженных людей, а также страшных, возбужденных молодых парней, готовых на все. Во главе этих групп чаще всего стояли армяне, прибывшие из Бейрута и Дамаска». Как отмечала газета, «сотни ливанских армян, хорошо знающих тактику уличных боев, приехали сюда без визы. Часть из них разместились в Ереване, а большинство отправилось в путь вокруг приграничных районов Горус и Ханлар. Как и в соседних республиках, Карабахский комитет держал эти формирования в своих руках, ориентируя их против Азербайджана. Только он может предоставить вам вертолет для поездки на восток страны. Этот «Карабахский комитет» превратился по-настоящему в военизированный комитет». То есть, по сути дела, в Армению в массовом порядке перебрасывались профессиональные террористы, имеющие весьма востребованный на войне опыт. Здесь же вскоре окажутся освобожденные из европейских тюрем профессиональные армянские террористы Вазген Сислиян, Мартирос Жамгочьян, наконец, Монте Мелконян, которые будут принимать самое активное участие в боевых действиях в Нагорном Карабахе.

А согласно официальному сообщению, подписанному министром внутренних дел Армении Л.Галстяном 11 июля 1990 года, в Армении действовало уже множе-

ство неофициальных вооруженных группировок, включая “Армянскую национальную армию”, “Независимую армию республиканской партии”, “Движение Национальный союз”, “Давид Сасунский”, “Мстители”, “Ай Дат” (“Армянский суд”) и другие мобильные вооруженные формирования, состоявшие из не менее чем 10 тысяч боевиков, со своей униформой, средствами связи и транспорта, имеющие штабы в Ереване, для координации их деятельности был создан “военный совет”.

Впрочем, основания для сомнений в том, на самом ли деле лидеров “карабахского движения” волнует судьба армян Нагорного Карабаха, были уже тогда. 25 марта 1988 года, то есть уже после событий в Сумгаите, первый заместитель Председателя Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию Владимир Лахтин заявил в “Известиях”, что “по обеспеченности, скажем, жильем НКАО в 1,4 раза опережает средние показатели в остальном Азербайджане”, и что “есть и другие показатели, по которым в области положение лучше, чем в обеих союзных республиках”. По его мнению, никаких социально-экономических предпосылок для перекройки границ не было. Более того, до сих пор не удалось “предъявить” ни одного факта дискриминации армян в Нагорном Карабахе со стороны властей Азербайджана. И как минимум нельзя отметать с порога точку зрения, что в основе карабахского движения лежали именно претензии на территорию.

История притязаний

В апреле 2004 года уважаемый американский журнал National Geographic оказался в центре громкого скандала. В его апрельском номере была опубликована та самая карта “Великой Армении”, с рассуждениями авторов, что, дескать, нынешние границы Армении появились только в 1921 году, а во времена Тиграна Великого она простиралась от Палестины до Каспийского моря и т.д. И невзначай “включили” в состав Армении азербайджанский Нагорный Карабах.

Против статьи, которую многие не без оснований расценили как тенденциозную и необъективную, протестовали многие. Свое возмущение статьей выразил посол Турции в США. Заявили протест этнические турки, проживающие в США. Председатель Ассамблеи американо-турецких ассоциаций Эркумен Килик направил письмо протеста редакции National Geographic, в котором отмечается, что публикация носит предубежденный характер и способна спровоцировать ненависть между двумя государствами. Руководитель же издания National Geographic на турецком языке Мурат Арайдж назвал данную статью “чрезвычайно злонамеренной”.

Как полагают историки, карты могущественных государств прошлого намертво впечатаны в историческую память многих народов. И практически никогда публикация такого рода карт не вызывает ни острых дискуссий, ни протестов. В той же Турции никому не придет в голову протестовать против публикации карт Византии или указаний, где находились античные города-колонии. Но карта “Великой Армении” – дело другое. И не только

ввиду того, что само существование этого государства и его границы в приводимой армянскими источниками конфигурации – вопрос весьма и весьма спорный. “Армянскую историю изучать нелегко. Она большая, сложная, временами неизвестная и часто противоречивая, так как часто искажена армянскими же историками, переусердствовавшими в “удревнении” истории своего народа. Существует богатая хроника для изучения, однако тексты и традиции не рассматривались так детально и критически независимыми учеными, как это делалось в отношении многих других старых народов. История Египта, Греции и Рима, например, в основном написана людьми, не являвшимися прямыми потомками античных цивилизаций. Тексты и надписи по истории этих обществ изучались по всем возможным направлениям учеными, не заинтересованными в использовании этих материалов для прославления далекого прошлого данных обществ, хотя, конечно, некоторые из них и делали это. Армянская история изучалась и писалась почти полностью армянами, – отмечает известный американский исследователь Поль Хенце в своей статье “Истоки армянского насилия: где они берут начало?” (Международный терроризм и связь с наркотиками. Анкара, 1984 г., 179-202).– Люди, пишущие свою историю сами, склонны прославлять свое прошлое и избегать объективного рассмотрения противоречивых ее черт. Армяне подвержены этому более чем большинство народов, а во второй половине XX века эта тенденция особенно усилилась”.

Добавим от себя: писалась армянская история с применением чудовищного количества фальсификаций. Так, в 1971 году в ереванском “Историко-филологическом журнале” было опубликовано возмущенное письмо Бориса Пиотровского, академика, директора Государст-

венного Эрмитажа. “В своем выступлении 24 марта с/г на заседании президиума Академии наук Армянской ССР, я указал на то, что в изданиях академии и в ряде журналов были напечатаны статьи о древнем иероглифическом письме Армении, в которых авторы арабское письмо выдавали за хайасские иероглифы XIX-XVII вв. до нашей эры, – писал академик. – Тогда я посчитал ограничиться лишь устным сообщением, но письма, направленные С.Айвазяном в разные инстанции, в том числе и в президиум Академии наук АрмССР, показали, что он считает мое выступление на президиуме неверным. Поэтому я и прошу вас опубликовать мои замечания”. По словам Пиотровского, в ряде статей С.Айвазян сообщает об открытом им иероглифическом письме XIX в. до нашей эры и без затруднений дает перевод этих надписей, сравнивая знаки на скалах Метамора со знаками, сохранившимися в армянских рукописях, в свое время изданных Н. Эмином (“Исследования и статьи Н.О. Эмина”, М. 1896, стр. 204.). В “Известиях академии наук” АрмССР (Науки о Земле. XVII.6. Ереван, 1964. стр. 73-81), были опубликованы бронзовые “личный доверительный знак” и монеты с хайасскими иероглифами, “предшествующими знакам древнеармянского (гикосского) иероглифического алфавита” (стр. 78), которые С.Айвазян бойко переводит. Далее в статье Б.Мкртчяна, напечатанной на английском языке (The Mystery of Metsamor) в чехословацком журнале “New Orient” (1967, N3. стр. 76), кроме прорисовок “хайасских монет XIX в. до н.э.”, помещены также и фотографии. Когда эти монеты были переданы на определение в отдел нумизматики Исторического музея Армении, то было получено следующее заключение: “Медные монеты, изображенные в журнале, совершенно неправильно представлены

как денежные единицы XIX века до нашей эры. На самом деле эти монеты (со стертыми надписями) XII-XIII вв. нашей эры, выпущенные атабеками Азербайджана из династии Ильдегизидов (1133-1225 гг.н.э.). Таковые имели массовое распространение в средневековой Армении и сопредельных областях Закавказья”.

После этого заключения института нумизматики Пиотровский отмечает, что прорисовки, опубликованные С.Айвазяном и перепечатанные в статье Мкртчяна, “фантастически ничего общего не имеют с реальностью. Нужно лишь удивляться тому, как решился автор опубликовать заведомо подложные прорисовки”. И тут же отмечает, что не лучше обстоят дела и с “хайасскими надписями” (XVII век д.н.э.) на камнях и скалах Мецамора. Так, в процитированной выше статье приведен “мецморский петроглиф”, снабженный переводом текста: “Далее дом огня (богатое помещение). Дважды благословен Акоп, (которому) принадлежит родниковая земля навечно”.

В действительности, по заключению арабистов Института истории АН АрмССР, камень представляет собою надгробие с арабской надписью (неточно скопированной): “Али...Касимхан”. Конечно, эта надпись читается не слева направо, как полагал С.Айвазян, а наоборот, справа налево”.

По утверждению Пиотровского, за “хайасские иероглифы” С.Айвазян принял написанные куфическим письмом имена: Мухаммед, Хасан, Али, причем из тамгообразных знаков, куфических надписей и петроглифов он составил целую надпись, читая ее слева направо.

Но, в конце концов, научные дискуссии о границах государств, существовавших в незапамятные времена, лучше оставить историкам. Важно другое. Итальянцам,

которые не без оснований считают себя наследниками Рима, не придет, к примеру, претендовать на половину Великобритании и проводить границу по земляному валу, сооруженному в незапамятные времена на Британских островах, или претендовать на все земли, входившие когда-то в состав Священной Римской Империи. Литовцы вряд ли заявят, что намерены восстановить Великое Княжество Литовское, а скандинавские страны не попытаются аннексировать Россию на том основании, что в Киевскую Русь когда-то позвали на княжение варяга Рюрика.

Но Армения – дело иное. Здесь тоска по “утраченным землям” давно возведена в ранг государственной политики, а та самая “карта Великой Армении” – это реальная политическая программа, руководство к действию. И, откровенно говоря, в мире найдется не так много стран, на гербе которых изображена гора, находящаяся на чужой территории – на гербе Армении изображен Агрыдаг, или, по-армянски, Арарат, находящийся в соседней Турции. И как минимум неслучайно, что в 1991 году, признав независимость всех 15 бывших союзных республик, Турция официально выразила обеспокоенность по поводу возможных притязаний Армении на ее территорию.

Так или иначе, безжалостно-откровенную оценку менталитету своих соотечественников на сайте “Южно-кавказская интеграция – альтернативный старт” дал известный армянский диссидент и правозащитник Вардан Арутюнян, отсидевший восемь лет за “антисоветскую деятельность” на Урале и под Магаданом. “Мы – народ, который застрял в прошлом. Мы остались в прошлом, не смогли усвоить ценности XX века и перейти в XXI. В лучшем случае мы остались в XIX веке, – констатирует

он. – Мы там, в прошлом, решаем проблемы прошлого, еще боремся с султаном Гамидом, поем песни, которые родились тогда и повторяем те же мысли. Вершинами патриотизма для нас остаются Чауш, Дро, Андраник, Сосе и Сероб. В их патриотизме – естественная для тех лет разбойниче-социалистическо-террористически-националистическая примесь”. “Из тех времен мы внедряем в XXI век нашу ненависть и претензии к соседям. Наш патриотизм и наш антитуркизм прямо пропорциональны друг другу, – продолжает он. – Мы, проявляя патриотизм, с гордостью вешаем на стены учебные карты походов Тиграна Великого и, исходя из этой же карты, объявляем наши границы от моря до моря, сами верим в то, что придумали, и создаем иллюзии о возможном возвращении”. “Мы после поражения в войне начинаем прославлять наши маленькие и временные победы на поле боя. Мы не отличаем войну от битв, и в память этих битв вооружаем памятники и мавзолеи, приличествующие окончательным и бесповоротным победам в войне. Помпезно празднуем на глазах у тех, кто на самом деле победил и вкусил всю радость победы. Не понимаем, что смешны в их глазах, – горько сетует он. – Мы отмечаем 2000-летие нашего театра только по той причине, что 2000 лет тому назад один царь в Армении писал театральные пьесы, после чего в этих местах на протяжении 2000 лет никто больше этим не занимался. Но мы приравниваем “2000 лет назад” к “2-тысячелетию” и, отрицая всякую логику, провозглашаем о 2000-летнем театре, пишем книги и статьи, потому что нам так надо”. “Мы гордимся нашей многовековой историей, но не смогли уберечь, а может, и не создали ничего, кроме церквей. Наш самый древний город не имеет даже 200-летней истории. Когда была государственность, наши цари настолько не уважали эту государственность, что по

капризу или в целях самоутверждения переносили столицу с места на место. В результате у нас нет приличной для столь древнего народа столицы”, – сетует Арутюнян. И, наконец, показательно, что еще в 1916 году армянский историк Б. Ишханян писал, что “подлинная историческая родина армян расположена в Малой Азии, то есть за пределами России” (Петроград, “Народы Кавказа”, 1916 год).

Забытая история

Появление армян на той территории, где сегодня расположена Республика Армения – это как минимум не-безынтересный вопрос. Так или иначе, как следует из исторических хроник, первый указ о расселении армян в Прикаспийской области издал еще Петр I. Наибольшие масштабы это переселение приняло после присоединения к России азербайджанских ханств – в официальных данных процесс этот именуется “русско-персидскими войнами”. Окончательно утвердившись в Закавказье, Российская Империя спешно создавала на новообретенных землях христианские форпосты для дальнейших бросков на юг. Первая полоса казачьих поселений вперемешку с армянскими поселками появилась на Северном Кавказе, где и поныне существуют Армавир, Нахичевань-на-Дону и т.д. Под вторую же были отведены земли Эриванского и Карабахского ханств – до распада Российской Империи армянской государственности на Южном Кавказе не существовало.

В полной мере это касается и Иревана – столицы независимого азербайджанского ханства, образовавшегося после распада империи Надир-шаха в 1747 году. Первая попытка России захватить Иреванское ханство в начале XIX века закончилась неудачей. Аннексия состоялась только в 1828 году, и власть России над новообретенными землями была закреплена Туркманчайским договором.

И вот тут начинается самое примечательное. В 1728 году 61,2% населения Иревана составляли “тюрки-мусульмане”, и только 38,8% приходилось на долю христиан, из которых примерно половину составляли не армяне,

а цыгане-христиане. В 1828 году, на момент захвата Иревана Россией, азербайджанцы здесь составляли 75,5% населения, армяне – 24,5%. Однако уже к 1917 году, к моменту распада Российской Империи, численность азербайджанцев в Иреване уже оценивалась в 45%, а армян – в 41%. Такого “почти равенства” удалось добиться при помощи политики “переселения и заселения”.

Оценить подлинную численность армян, переселенных на лучшие государственные земли Южного Кавказа, сегодня более чем непросто. Исторические хроники хранят разрозненные данные, где-то численность переселенцев указывается в “семьях”, где-то – “по головам”. Так, к примеру, сразу же после заключения Туркманчайского договора из Ирана в Россию, точнее на Южный Кавказ, было переселено более 8 тысяч армянских семей, а через несколько месяцев – еще 40 тысяч семей. Известно, что в горную зону тогдашней Елизаветпольской губернии в 1828-1830 годах было переселено ни много, ни мало 124 тысячи армян из Турции – на основе Андрианопольского договора. Другие источники дают большую цифру – 200 тысяч переселенцев. Известно, что большое количество армян (400 тысяч) было переселено на Южный Кавказ после Крымской войны. И опять – главным образом на земли Иреванского и Карабахского ханства. Наконец, большое число армян переселялось на Южный Кавказ самостоятельно. Так или иначе, уже к 1896 году численность армян-переселенцев на Южном Кавказе оценивается ни много, ни мало в 900 тысяч человек. И после этого в Россию хлынул еще один поток, и, как писал профессор Величко, Тифлис был “наводнен массой полудиких беженцев из Турции”.

Уступка в обмен на... что?

Так или иначе, к моменту распада Российской Империи армяне на Южном Кавказе осмелели настолько, что объявили в Тифлисе о создании собственной Армянской (на тот момент Араратской) республики. Строго говоря, “Армения от моря и до моря” представлялась тогда вполне осуществимой идеей: российские эмиссары уже давно “обрабатывали” лидеров турецких армян, обещая, что турецкие вилайеты Карс, Ардаган, Ван, Битлис, Эрзерум в ближайшее время разделят судьбу Иревана. Армянские лидеры всерьез рассчитывали, на сей раз при помощи других союзников по Антанте, создать армянское государство и в Киликии, где оно в средние века просуществовало пару десятков лет...

Так или иначе, исторические документы 1918 года, в частности, телеграмма Фаталихана Хойского Мамед Гасану Гаджинскому позволяют представить себе, как в те годы проводились границы государств, и кто на чьей территории создавал свои республики. Фаталихан Хойский указывает, что “они (армяне – Ред.) примут ультиматум и покончат с войной – мы уступим им Эривань”. Взамен армянские представители взяли на себя обязательства не претендовать на Карабах и Нахчыван. Этот вопрос обсуждался на заседании Мусульманского национального совета уже 29 мая 1918 года: “По открытии заседания член Совета Ф. Хойский докладывает Совету о результатах переговоров представителей Совета с представителями Армянского Национального Совета по поводу границы территории Азербайджанской и Армянской федераций. Ф.Х. Хойский заканчивает свой доклад сообщением, что

для образования Армянской федерации им нужен политический центр, а таковым после отхода Александрополя к Турции, может быть только Эривань, а потому уступка Эривани армянам, говорит Хойский, является неизбежной". Таким образом, лидеры Азербайджанской Демократической Республики рассчитывали добиться выполнения от Армении ряда "ответных обязательств", от прекращения войны до безопасности остававшихся на территории Армянской республики азербайджанцев.

Александрополь, о котором шла речь – это нынешний Гюмри, несколько десятков лет именовавшийся Ленинаканом. 15 мая 1918 года в ходе продолжавшейся первой мировой войны он был взят турецкими войсками. Позже Армения по Мудросскому перемирию восстановила контроль над Александрополем-Гюмри-Ленинаканом, но о том, чтобы вернуть Эривань, речь уже не шла. Более того, дашнакское правительство Армении немедленно возвело геноцид азербайджанцев в ранг государственной политики. Так, в 1918-1920 годах только в местности Гемерли (ныне Агташат) было убито и изгнано не менее 20 тысяч азербайджанцев, а на их место были переселены армяне, перебравшиеся в 1915-1918 годах из Турции. В результате численность армянского населения в этой области взлетела с 2 тысяч человек до 22 тысяч, а азербайджанцев – с 20 тысяч упала до 7 тысяч человек.

"Советизация" Южного Кавказа, а проще говоря, новая аннексия Россией в положении азербайджанцев в Армении, увы, мало что изменила. И в 1948-53 годах проводится новая, "добровольная", депортация азербайджанцев из Армении в Азербайджан, в Мильскую и Муганскую степь.

Да и обязательство не претендовать на Карабах продолжалось очень недолго: уже в двадцатые годы сотруд-

ники Особого отдела будут задерживать провокаторов с весьма подозрительными прокламациями, призывающими русских солдат “вернуться домой” и не мешать армянам освобождать Карабах от гнета “варваров-татар”, которые “устраивали резню армян” и чьи лидеры “ездили на поклон в Константинополь”. Причем у провокаторов вместе с листовками изымались и рекомендательные письма к местным армянским священникам.

Другое дело, что география армянских притязаний – вопрос сложный: дашнаки в 1918 году рассчитывали присоединить к Армении и Баку с его нефтяными полями, и именно для этого дашнаки устроили в марте 1918 года чудовищную резню мусульманского населения города – именно после той, первой в истории региона “нефтяной этнической чистки” азербайджанцы, составлявшие в Баку до 90% населения, оказались в меньшинстве.

Тем не менее, во время распада Российской империи, образования на ее обломках новых государств и их последующей аннексии Москвой уже в рамках “советизации”, Армении взять под свой контроль Карабах не удалось – Москва ограничилась учреждением там автономной области.

Однако горбачевская “перестройка”, “гласность” и т.д. была расценена в армянских кругах как новый шанс для реализации старой идеи. Филипп Бобков, генерал КГБ в отставке, в своей книге “КГБ и власть”, дает свою оценку, кто и когда бросил первый камень в дом соседа. И напоминает о той нашумевшей поездке в Париж академика Абега Гезовича Аганбегяна в конце 1987 года, в ходе которой тот встретился с представителями армянской диаспоры во Франции и заявил им, что, дескать, в Кремле есть мнение о том, что целесообразно было бы передать НКАО в состав Армении. “В то время Аганбе-

гян был близок к Горбачеву, и за рубежом его воспринимали как человека, в известной мере выразившего взгляды Генерального секретаря ЦК КПСС”, – констатирует Бобков. – “Постарался” журналист и писатель Зорий Балаян. Находясь в Америке, он объехал места проживания армян и тоже, намекнув на Горбачева, заявил о переходе Нагорного Карабаха под юрисдикцию Армении”.

Понятно, что заявления Зория Балаяна и Абега Аганбегяна были восприняты в армянских кругах как руководство к действию – и вряд ли здесь можно было рассчитывать на иной результат. Тем более что слова “у нас сейчас демократия” кружили голову многим.

С этого же времени, если верить, в частности, Терешонку и Подлесских, авторов сенсационного расследования “Воры в законе – бросок к власти”, в правоохранительных органах СССР стали появляться первые сведения о том, что в Нагорном Карабахе создается ни много, ни мало подпольная вооруженная структура. Но Москва по-прежнему бездействовала. Более того, заявлений Аганбегяна, Балаяна и иже с ними Кремль при своих колоссальных информационных возможностях как бы не подтверждает, но и не опровергает. Когда же в НКАО начинаются первые митинги, Москва не только не думает их пресекать, но и реагирует весьма расплывчатым и невнятным заявлением: границ республик менять не будем, но проблему решим “в ходе перестройки”. В Ереване и Ханкенди, тогда Степанакерте, это заявление расценили как ненавязчивый совет “дожать”. А в Баку были откровенно возмущены бездейтельностью центра. Тем более что еще в декабре 1986 года, во время волнений в Алма-Ате, когда жители столицы Казахстана вышли протестовать против “избрания” первым секретарем ЦК КП Казахстана Геннадия

Колбина, Горбачев продемонстрировал, что “гласность” и “перестройка” имеют определенные границы.

Реальных мер по пресечению армянской истерии Москва так и не примет. Более того, советские силовые структуры не сделают ровным счетом ничего для защиты азербайджанцев в Армении, в Нагорном Карабахе, в прилегающих к нему районах даже после того, как в руках армянских боевиков появится боевое оружие, а власть фактически начнет переходить к их лидерам. Она не попытается разоружить армянские формирования в 1990 году, уже после карательной акции советских войск в Баку 20 января 1990 года, унесшей жизни более чем 100 мирных граждан. И когда уже после этой карательной акции Москва со странным равнодушием взирает на создание в Армении самой настоящей “неофициальной” армии, которая далеко не бездействовала, устраивая кровавые рейды в азербайджанских селах Карабаха, и Азербайджану, в особенности в условиях введенного Москвой чрезвычайного положения, противопоставить этой армии было по сути дела нечего, это уже не просто “двойные стандарты” в политике. И вряд ли акции такого масштаба могут быть объяснены усилиями “армянского лобби” в Москве – лоббистский механизм, говоря начистоту, может существовать только в странах с развитой демократией и возможностью “давления снизу”, а в условиях жесткой вертикали власти, существовавшей в бывшем СССР, говорить о лобби можно было только с очень большой натяжкой. Либерализм Москвы имел совсем другое объяснение, и для того, чтобы понять, кто и чего пытался добиться, столкнув на окраинах народы, необходимо “изменить масштаб картинки” и попытаться оценить ситуацию уже не в масштабах Южного Кавказа, а в целом в СССР.

Кто заказывал войну?

Оценка деятельности Горбачева, на совести которого – и свертывание советского военного присутствия в Восточной Европе, и кровавые провокации и карательные акции на “национальных окраинах” империи – тема отдельного, и весьма обстоятельного, разговора. Однако, несомненно одно: придя к власти, новоиспеченный генсек уже не мог ничего не предпринимать и оставить все как есть. СССР уже давно находился в состоянии перманентного кризиса, “плановая экономика” изживала себя. “Нефтяной кризис” семидесятых обеспечил приток в казну нефтедолларов, но это лишь оттянуло агонию. В конце семидесятых падение цен на нефть ввергло не только Иран, но и СССР в тяжелейший кризис; в разряд “дефицита” попадал уже не только импортный ширпотреб, но даже самые обычные продукты питания, полки магазинов стремительно пустели, очереди удлинялись, мясо и масло распределялись по талонам... В Кремле осознавали: до “голодных бунтов” и социальных волнений осталось всего ничего.

Показательно и другое. К “демократизации” и “гласности” Горбачев тоже пришел не сразу. И достаточно полистать старые подшивки, чтобы понять: вначале он попытался банально “закрутить гайки”, объявив сначала кампанию по борьбе с пьянством, а потом – с “нетрудовыми доходами”. Газеты призывали даже запретить наследование имущества – для “социального равенства”, в прессу стали возвращаться термины, бытовавшие в худшие времена сталинского террора, вроде “мелкобуржуазных взглядов” и “оппортунизма”. Однако “админист-

ративная схема”, увы, не сработала, да и не могла сработать: потенциал подобных мер в СССР был уже давно исчерпан. Промышленность и сельское хозяйство требовали модернизации, модернизация требовала денег, а денег взять было негде, кроме как на Западе. Где просто так никто бы раскошеливаться не стал.

А для того чтобы получить кредиты и инвестиции, было решено устроить масштабную “лакировку фасада”: демонстративно “сдать назад” на международной арене – все равно экономика уже не справляется с бременем военных расходов, и лучше, если удастся придать неизбежному сокращению характер “взаимного”, простить пару-тройку наиболее видных “диссидентов” вроде академика Сахарова, публично доразоблачить “культ личности Сталина”, подкинуть прессе пару-тройку новомодных терминов вроде “гласность”, “перестройка”, “новое мышление”, “общечеловеческие ценности” – и под этим соусом выторговать на Западе кредиты и инвестиции.

Только вот вряд ли Горбачев всерьез собирался делиться реальной властью и на самом деле проводить в СССР масштабные и глубинные политические реформы. И с первыми же робкими попытками политических реформ некие “темные силы” уже запалили на национальных окраинах те самые “локальные конфликты”. А потом, всю спекулируя на “ужасах Сумгаита” и т.д., заговаривают о том, что в нашей стране демократия, особенно “на пустой желудок” – штука опасная, и вообще, переходить к рынку надо так, как это делали в Южной Корее, Чили и Китае – в условиях “твердой руки”, и едва ли не самым популярным зарубежным политиком в СССР окажется Аугусто Пиночет. Именно большая кровь на национальных окраинах позволяла отработать те самые механизмы установления военной диктатуры –

сначала в отдельно взятом городе, потом по всей стране, введение поста президента, свертывание “политической составляющей” реформ... Коммунистической идеологией, социалистическими принципами, заветами Маркса и Ленина Горбачев, по всей видимости, пожертвовал без особого душевного трепета, но вот делить всерьез власть он с самого начала не собирался. И был уверен, что он контролирует в стране “все и вся”, а посему в тот момент, когда главари мятежей (вроде карабахского) сыграть отведенную им роль, Москва все без труда прекратит и “наведет порядок”. А пока, мол, пусть порезвятся.

И, увы, слишком многое указывает на то, что, кроме “программы-минимум”, когда национальные конфликты должны были сыграть роль пиар-обоснования для свертывания “гласности” и “демократизации”, существовала применительно к Карабаху и программа-максимум: в очередной раз расширить на Южном Кавказе армянский “плацдарм” или, если угодно, “форпост”. И тот факт, что Азербайджан, вошедший в состав СССР со 111 тысячами кв.км. территории, на момент выхода располагал только 87 тысячами – остальное было в разное время “подарено” Армении, вкуче с несколькими кампаниями по массовой депортации азербайджанцев из Армении, организованными Москвой – это, увы, слишком серьезная информация к размышлению о том, имели ли место те самые гарантии, о которых говорили и Аганбегян, и Балаян, и Капутикян. Другое дело, что осуществить задуманное в Москве просто не успели – в декабре 1991 года СССР банально развалился. И, быть может, нам просто повезло, точно так же, как в пятидесятые годы, когда смерть “отца народов” не позволила реализовать план по окончательному переселению азербайджанцев из Закавказья в Сибирь. Но эти планы в Москве были

пока что отложены на потом. А “программа-минимум” требовала добиться, чтобы пламя межнациональной вражды полыхнуло посильнее. А для этого требовалось, кроме всего прочего, еще и взвинтить градус ненависти до требуемых величин.

Eduard Qriqoryan

Выбор жертвы

У пиара свои законы, порой весьма циничные. Особенно если это пиар на крови. Где с самого начала нужно четко определить, в числе прочего, и кандидатов на роль “образцово-показательных жертв”.

А вот здесь уже учитывалось все. В том числе и то, что в своей знаменитой передаче “Позиция” Генрих Боровик назвал “культом печали” – та самая истерия, десятилетиями нагнетавшаяся вокруг пресловутого “геноцида армян”. Которая тут же была экстраполирована на азербайджанцев.

Сегодня уже известно, что первые жертвы карабахского противостояния были азербайджанцами по национальности. Первая волна погромов азербайджанцев прокатывается по Зангезуру уже в 1985 году. Вторая начинается зимой 1987 года, как раз в те дни, когда о “целесообразности” передачи Карабаха в состав Армении разглагольствует Абел Гезович Аганбегян. По самым скромным подсчетам, в ходе изгнания азербайджанцев из Армении были убиты не менее 250 человек. А потом наступил черед трагедии, разыгравшейся в феврале 1988 года в тогдашнем Аскеранском районе. Вот как описывает эти события Бобков: “Опять-таки можно спорить о том, кто был первым, кто как себя вел и кто больше виноват – азербайджанская или армянская сторона – но факт остается фактом: первыми жертвами стали азербайджанцы: 22 февраля 1988 года в Аскеранском районе были убиты двое: работавший на виноградниках крестьянин и мальчишка, который показался подозрительным армянскому стрелку”.

Потом в прессе многократно опишут, как возмущенные убийством жители Агдамского района двинулись на Аскеран. Как одну из колонн остановил местный мулла, другую – партийный работник из Баку. И как бросила на землю свой платок Хураман Аббасова, Герой Социалистического Труда – и никто не решился нарушить древний обычай и перешагнуть через материнский платок.

Однако в Армении, где на Театральной площади перед ереванским оперным театром продолжается митинг в поддержку “карабахских братьев”, уже начали умело распространяться слухи о “массовых убийствах” армян в Азербайджане, где, тем не менее, нет ни погромов, ни этнических чисток.

И, возможно, именно в эти дни и начался отсчет событий если и не самой кровавой, то, во всяком случае, самой циничной провокации в истории карабахского конфликта – Сумгаитского погрома армян.

Провокаторы бьют по своим, или жертвоприношение по-армянски

Армяне, как известно, исповедуют христианство. Торжественно отмечают юбилеи его принятия, постоянно подчеркивают концепцию “христианского востока” и т.д. Однако здесь в ходу множество языческих ритуалов, в том числе и жертвоприношение. По традиции, в жертву приносят петуха, предварительно накормив его солью.

Однако многие азербайджанцы, вернувшиеся из армянского плена, рассказывали о том, что здесь по-прежнему в ходу и самые настоящие человеческие жертвоприношения: в то время, когда Зорий Балаян отправился в США делать операцию аортокоронарного шунтирования, многим пленным азербайджанцам грозили, что “их принесут в жертву за здоровье Зория Балаяна”.

Однако то, с какой легкостью армянские националисты приносили в жертву своих же соотечественников ради “поднятия духа нации”, подтверждено многократно и документально. Во всяком случае, Уильям Лангер в своем труде “Дипломатия империализма”, изданном в Нью-Йорке в 1968 году, приводит воспоминания доктора Хамлина, основателя Роберт Колледжа, работавшего в армянонаселенных вилайетах Османской Империи в конце XIX века. Один из активистов “Гнчака” заявил ему, что боевики этой организации, которую Лангер именует “бандами”, будут “искать возможность убивать турок и курдов, поджигать их села, а затем уйдут в горы. А разъяренные мусульмане набросятся на незащищенных местных армян и начнут такую варварскую резню, что Россия под знаменем гуманности и христианской цивилизации вторгнется и захватит эти земли”. А ког-

да ужаснувшийся миссионер назвал этот план самым зверским и дьявольским из когда-либо известных, “армянский патриот” без тени сомнения заявил: “Это вам так кажется, но мы, армяне, твердо решили освободиться. Европа услышала болгарские ужасы и освободила Болгарию. Она услышит и наш плач, когда он дойдет до воплей и крови женщин и детей... Мы отчаялись. Мы сделаем это”.

И, увы, без осознания той легкости, с которой армянские “революционеры” бросались фразочками типа “мы заставим их стрелять в нас” и “заграница нам поможет”, вряд ли возможно представить себе механизм тех провокаций, которые и привели к трагическим событиям в Сумгаите в конце февраля 1988 года.

Хроника трагедии: что за кадром?

Как сегодня утверждают многие, катализатором событий в Сумгаите послужило то самое сообщение о гибели двоих азербайджанцев в Нагорном Карабахе. По многочисленным свидетельствам, для того чтобы погасить волнения, перед умело управляемой толпой на Театральной площади Еревана, до предела взбудораженной слухами об “убийствах армян”, заместитель генерального прокурора СССР, главный военный прокурор А. Катусев сделал заявление: лично ему известно о двух погибших, и армян среди них нет.

Но это, увы, были не единственные жертвы: в Армении полным ходом началась новая волна погромов азербайджанцев. Выбора, кроме бегства, не было, и в Азербайджан через ту самую станцию Иджеван пошли поезда с беженцами.

Как потом описывала эти события журналистка Наталья Калкун в своей статье “Поезда нашего бедствия”, власти Азербайджана прекрасно осознавали, к каким последствиям приведет появление огромной массы людей, избитых, ограбленных, потерявших своих близких, в крупных городах с интернациональным населением. Поезда удалось остановить за пару сотен километров до Баку, людей просто разобрали по домам. И не заметили, что уезжают, вернее, бегут, спасаясь от погромщиков, не только на поездах — несколько грузовиков с людьми прорвались в Сумгаит, где обстановка и так уже была накалена до предела.

“В Сумгаите перед горкомом партии собралось не менее пяти тысяч жителей. Напряжение достигло кульмина-

ции, когда на площади появились азербайджанцы, бежавшие из Кафанского района Армении и рассказавшие о погромах, учиненных армянами в районах, где жили, главным образом, азербайджанцы, – вспоминает генерал Бобков. – Еще больше подлило масло в огонь выступление по армянскому телевидению поэтессы Сильвии Капутикян с рассказом о встрече в Москве с М.С.Горбачевым, а затем пришедшее из Еревана сообщение – о заявлении Главного военного прокурора Советской армии А.Н. Катусева, сказавшего, что ему известно о двух погибших в Азербайджане и, по его сведениям, среди погибших армян нет”.

Именно сообщение об убийстве двух азербайджанцев в Аскеранском районе, по официальной версии, и сыграло роль пускового механизма сумгаитской трагедии, которую было предписано считать “стихийным межнациональным взрывом”, где допускалось только присутствие “социальной” нотки. Потом многие журналисты так называемых “центральных” газет признают: город представлял собой самую настоящую “тикающую бомбу”. Социальные проблемы не просто достигли здесь точки кипения – они уже перехлестнули все мыслимые и немыслимые рубежи. К тому же именно этот город представлял собой бакинский “сто первый километр”, так что и присутствие в Сумгаите “спецконтингента”, то есть “отсидевших” уголовников, тоже превышало все мыслимые и немыслимые пределы. Не говоря уже о том, что в определенной среде “условно-досрочное освобождение” до сих пор именуется “химией” – “удошников” направляли на работу на предприятия Химпрома, а в Сумгаите именно химические заводы составляли основной промышленный потенциал. Наконец, люди не могли смириться и с тем, что город, по сути дела, был превращен в гигантскую “газовую камеру”: экологические нормы при строительстве и эксплуатации заводов

не выдерживались. Но журналисты – намеренно или по незнанию – не касались другой темы.

В Сумгаите в благоустроенных домах на тщательно распланированных и озелененных улицах обосновался впечатляющий “интернационал”, где значительную часть составляли те самые Сумгаитские армяне. А в печально известном “нахалстрое”, то есть, по сути дела, в городских трущобах, которые в Бразилии именуются “фавелами”, в США в годы великой депрессии назывались “гувервиллями”, а в Турции именуются “геджегонду”, жили исключительно азербайджанцы. К середине января 1988 года беженцев из Армении в Сумгаите насчитывалось не менее 18 тысяч, и бездействие официальных властей Азербайджана, которые не решались даже обозначить проблему, да что проблему, трагедию азербайджанских беженцев, только распаляло страсти.

Дальнейшие события многократно описывались в печати. Митинги перед Сумгаитским горкомом КП Азербайджана с требованием принять реальные меры для нормализации ситуации в Нагорном Карабахе и защитить азербайджанцев в Армении продолжались несколько дней, и власть на них упорно не реагировала. Каждый раз участников акций, в справедливости требований которых усомниться было трудно, без труда удавалось уговорить разойтись по домам. Но 29 февраля, на третий день, митинг неожиданно пошел по новому сценарию: те, кто еще вчера уходил домой, теперь грозились “разобраться” с местными армянами. Спешно отозванный из отпуска первый секретарь Сумгаитского горкома КП Азербайджана Дж. Муслимзаде прекрасно отдавал себе отчет, чем может грозить взрыв негодования в городе. Он попросит помощи у расквартированных поблизости ни много, ни мало 22 (!) военных частей, но те предпочли позицию наблюдателя. Это

в Вильнюсе, согласно “уставу гарнизонной службы”, армия немедленно пойдет штурмовать телецентр, а в Сумгаите помощь придет непозволительно поздно: армия, повинаясь неведомым приказам, попросту дает погромщикам возможность “порезвиться” (так же она будет действовать и в Баку зимой 1990 года, когда погромы вообще удастся пресечь до вмешательства войск, и для того, чтобы устроить в городе карательную акцию, придется “изобретать повод” и взрывать телецентр).

Удержать ситуацию на митинге не удалось: он перерастал в уличное шествие, участники которого требовали “разобраться” немедленно. Муслим-заде, возглавив колонну, увел ее в сторону набережной – подальше от жилых кварталов и, главное, химических заводов: если проткнут один трубопровод или резервуар, то на Апшероне повторится трагедия индийского Бхопала, но с куда большим количеством жертв “случайной” химической атаки. Но по дороге от манифестации оторвался “хвост”... Итог тех событий известен: 32 погибших, из них 26 армян, около 400 пострадавших, 200 разгромленных квартир и 50 культурно-бытовых объектов, и материальный ущерб на сумму в 7 миллионов еще советских рублей – не менее 10 миллионов долларов США.

А потом на стадии следствия стали “выплывать” многие подробности, которые, мягко говоря, не укладывались в версию о “стихийном взрыве” с националистической подоплекой. Как указывается в материалах следствия, первые пять убийств этнических армян в Сумгаите совершил... Эдуард Робертович Григорян. Ранее неоднократно судимый, завсегдатай подпольных клубов, где обучали каратэ, он пользовался немалым авторитетом среди местной шпаны. И легко собрал вокруг себя впечатляющую шайку. Потом соучастники погрома призна-

вались в своих показаниях, что именно у Григоряна оказалось приличное количество и спиртного, и “дури”, то есть наркотиков, которые в те годы в СССР еще не получили нынешнего распространения. А у Григоряна “дури”, “кайфа” и т.д. оказалось очень много. И можно представить себе, как распаляет возбужденную толпу первая кровь.

Пожалуй, сам факт наличия Эдуарда Григоряна среди обвиняемых по Сумгаитскому делу уже, мягко говоря, ставит под сомнение версию о “националистическом погроме”.

Но это, увы, было только начало. Потому как потом следствие установит: роль Эдика Григоряна этим не ограничивалась. Именно он был в Сумгаите главным сборщиком той самой “национальной дани”, существующей в среде армянской диаспоры: 5% своего заработка живущие вдали от родины “армянские патриоты” обязаны жертвовать на “общее дело”.

Впрочем, система эта заслуживает того, чтобы о ней сказать особо. Она существует в большинстве крупных армянских общин, и оценить, какие суммы собираются таким путем, можно только с очень большой натяжкой. Сбором чаще всего руководят или священники армяно-григорианских церквей, или руководители разного рода “национальных центров” или “армянских федераций”. И представляет собой по сути дела самый настоящий “национальный рэкет”. Этот термин означает, что одновременно с общепринятыми, законными легальными “государственными” налогами и пошлинами представителям определенной общины, чье финансовое положение несколько лучше, чем у других их соплеменников, приходится платить еще и некий “национальный налог”, поступающий в распоряжение неформальных лидеров той об-

щины, к которой они принадлежат, причем не всегда добровольно. Такую дань платили жители “маленькой Италии” в Нью-Йорке и Чикаго знаменитой “коза ностре”, обитатели “чайнатаунов” – “Триадам”. Существующий в армянской среде институт так называемой “национальной дани” известен куда меньше итальянской “коза ностры” или китайских “триад”. Тем не менее, любой армянин, вне зависимости от того, где он проживает – в Армении, Калифорнии или Французской Ривьере – обязан регулярно вносить определенную сумму денег на “армянское дело”. Цели тут сугубо политические, и такие “мелочи”, как помощь новым иммигрантам, гуманитарные акции и т.д., включают в себя редко.

Однако рэкет, какими бы красивыми словами он не прикрывался, остается рэкетом. И собранные с его помощью средства неизбежно становятся “питательной средой” для преступлений, где “выбивание” денег является далеко не единственным. “След” спора за контроль над сбором и расходованием “национальной дани” обнаружился в самом громком уголовном деле Армении последних недель – обвинении бывшего министра внутренних дел Армении, бывшего мэра Еревана и лидера АОД Вано Сирадегяна в подготовке убийства руководителя московской Армянской Международной Ассамблеи Сержа Джилавяна. По сообщению ереванского корреспондента радио “Свобода”, причиной подготовки убийства послужило то, что Серж Джилавян отказался выполнить одно из требований Сирадегяна – собирать с армянских бизнесменов в Москве “национальную дань” и передавать деньги лично ему. Кстати говоря, версия “национальной дани” на сегодня является единственным более-менее правдоподобным изложением мотивов действий Сирадегяна, в случае, если он действительно гото-

вил убийство Джилавяна. Наказание за неуплату “национальной дани”, как правило, куда строже, чем за неуплату налогов в “обычной” жизни. В истории армянского терроризма зафиксирован факт обстрела боевиками АСАЛА дома одного из армянских “денежных мешков” в канадском городе Торонто – таким образом, АСАЛА демонстрировала недовольство тем, что упомянутый богач отказался пожертвовать немалые деньги на “армянское дело”. А в Берлине туристам до сих пор показывают оживленный “пяточок”, где стоял армянский же ресторанчик, владелец которого свернул свой бизнес после “наезда” со стороны армянской же мафии.

Количество средств, собираемых путем “национальной дани”, не поддается даже приблизительной оценке, хотя очевидно, что речь идет не о десятках и даже не о сотнях долларов. Куда важнее, по мнению многих, ее психологический эффект.

Сбор “национальной дани” ведут самые разные организации: национальные общества, религиозные общины, “инфраструктурные подразделения” террористических группировок и т.д. Собирали ее и в бывшем СССР. В том числе и в Баку и Сумгаите. По слухам, немалую роль тут играла армяно-григорианская церковь.

И, как выяснилось в ходе следствия, жертвами погромщиков оказались именно те сумгаитские армяне, которые отказывались эту самую “национальную дань” платить! Именно их тщательно и скрупулезно составленные списки и оказались в руках погромщиков. А на случай “осечки” – кто-то ведь мог ориентироваться и на таблички на дверях – представители многих армянских семейств предпочли загодя покинуть Сумгаит. Активисты комитета “Карабах”, действовавшего среди армян, проживавших в Азербайджане, уже за два месяца до на-

чала событий начали в массовом порядке покидать город, снимать деньги со своих счетов в сберкассах, продавать имущество – притом, что на тот момент обстановка была абсолютно спокойной. И это подтверждали в своих показаниях многие “потерпевшие”, то есть Сумгаитские армяне. В материалах следствия можно найти конкретные фамилии и цифры:

Н.Агаджанян	- 16765 руб.,
С.Геворкян	- 11244 руб.,
К.Мартиросян	- 8730 руб.,
З.Мелкумян	- 13580 руб.,
А.Янъян	- 5619 руб.,
С.Каприелова	- 16697 руб.,
Р.Микаэлян	- 7610 руб.,
В.Аванесова	- 13760 руб.,
А.Погосян	- 9360 руб.,
А.Танъян	- 5619 руб.,
Я.Яхширьян	- 8795 руб.,
Р.Саркисян	- 8880 руб.,
С.Аганбекян	- 6754 руб.,
Я.Акопов	- 6519 руб.,
А.Саркисян	- 7752 руб.,
Г.Давидянц	- 8202 руб.,
Б.Саркисян	- 5377 руб.,
Л.Бабаян	- 17890 руб.,
А.Амбарцумян	- 12760 руб.,
Р.Томосян	- 8670 руб.,
Я.Хачатурян	- 8877 руб.,
Е.Багдосарян	- 9228 руб.,
К.Ханкарян	- 6574 руб.,
М.Азарян	- 8570 руб.

Огромные по советским меркам деньги, которые просто так с книжек не снимают. Всего же в Сумгаите деньги со счетов сняли ни много, ни мало 327 вкладчиков армянской национальности, а общая сумма превысила 8 миллионов рублей.

Бегство, впрочем, шло не только из Сумгаита. Неожиданный отъезд в Ереван этнических армян из Азербайджана зафиксировали тогда многие, в том числе и ректоры многих бакинских ВУЗов. Студенты, а чаще студентки на расспросы, почему уезжают, отвечали односложно, а потом давили из себя: “Здесь скоро будет плохо”.

Понятно и другое. Погром – это не такое простое дело, как кажется. Погромщики, которые четко разбивались на группы по 20-30 человек, со списками армян, не плативших пятипроцентную дань, действовали удивительно четко и профессионально, двигались по неп пересекающимся маршрутам, не вступали в стычки друг с другом... Словом, чувствовалась рука опытного профессионала. В азербайджанской среде опыта погромов и резни не было. А в армянской он был – достаточно вспомнить, как четко руководствовались заранее составленными списками состоятельных азербайджанцев армянские погромщики еще в марте 1918 года в Баку. Более того, “опыт” этот уже был отточен и обогащен во время погромов азербайджанцев в Армении.

И это, увы, не единственная “странность”. В материалах следствия есть предостаточно данных, указывающих на то, что роль “проводника” у погромщиков играла некая Карина Гаспарян, работавшая в службе “скорой помощи” Сумгаита. Более того, ей же досталась и значительная часть “добычи” погромщиков – похищенные из квартир ценные вещи. В показаниях мелькают имена не-

кого Игоря Оганова, еще одного провокатора по имени Вазген... Вопросы вызывала даже заточенная арматура в руках у погромщиков: такой “инструмент” под митинговую “горячку” не изготовить.

Следователь следственной группы Генеральной прокуратуры СССР, украинец Григорий Котенко говорил в своей беседе:

- До Сумгаитских событий в связи с Карабахской проблемой через день в Карабах, а оттуда в Ереван поступала информация о реакции местного населения в учреждениях и организациях. Кто доставлял им эту информацию? Азербайджанцы? Нет. Русские? На что им это нужно было? Конечно армяне, точнее армянские девушки. А во главе их стояла женщина по имени Стелла. Вся информация доставлялась ей, а та, в свою очередь, через армянских связистов, работающих в отделах связи, передавала эту информацию в Степанакерт и Ереван. За такие услуги Стелла получала большой гонорар. Средства, выделенные ей, она делила между девушками. После установления комендантского часа военные убрали Стеллу из Сумгаита, та исчезла в неизвестном направлении. Сначала мы хотели отыскать ее следы, но из-за большой загруженности в работе мы забыли о Стелле. Следует отметить, что Стелла занималась не только сбором информации. В Сумгаите она имела несколько публичных заведений. Каждый вечер 15-25-летние армянские девушки принимали различных клиентов. Одну из них, Наири мы допросили. По ее словам, они боялись Стеллу, потому что она угрожала им, устрашала милицией. Женщине, занимавшейся такими грязными делами, никто не делал замечаний. Многие в Сумгаите знали об этом, но предпочитали молчать. К тому же, по разговорам стало ясно, что Стелла пользуется большим авто-

ритетом. В какое бы учреждение она ни ходила, ее принимали с радостью. Одним словом, молодые парни и девушки играли посредническую роль между правящей силой и Карабахским комитетом. Как только возникала проблема, она моментально разрешалась. Если водитель первого секретаря Сумгаитского комитета партии и секретарша городской прокуратуры являлись лицами армянской национальности, то для дополнительного разъяснения нет необходимости.

Как явствует из материалов следствия, еще 7 февраля в Баку и Сумгаит из Армении прибыла этакая “спецгруппа” – ни много, ни мало 210 человек! Разместились они в Баку в гостиницах “Абшерон”, “Азербайджан”, “Гянджлик”, а также в гостинице железнодорожного вокзала, в Сумгаите выбрали гостиницу “Бахар”. И принимали самое активное участие не только в провоцировании беспорядков, но и старательно документировали их. Здесь же, по многим данным, находилась едва ли не вся редакция ереванской газеты “Коммунист” на русском языке.

Но, увы, расследовать «армянский след» в Сумгаитской трагедии и даже предавать гласности материалы о деятельности в городе армянских провокаторов московские следователи не стали – они, увы, слишком хорошо знали, чего ни в коем случае не следует искать, а тем более находить. Доходило до того, что активные участники погрома: Александр Драчев, Вадим Муравьев, Игорь Агаев, Александр Воробьев и другие – попросту избежали уголовной ответственности. Следствие искало только азербайджанцев, а приехавшие из России бывшие уголовники, воодушевленные возможностью пограбить под шумок, никого не интересовали. А в армянской среде, прежде всего за счет информационных возможностей диаспоры, сумгаитскую провокацию отработали сполна.

А потом в дело вступила та самая пропагандистская машина “армянского лобби”, о которой осенью 1919 года, когда в старинный Изборск отступила северо-западная армия Юденича и вместе с ней десять тысяч беженцев из Петроградской губернии, анонимный автор “Секретного доклада”, с горечью подводящий итоги неудачного похода, закончившегося массовой гибелью людей, писал так: “Кто был крепок – выдержал, остальные померли... Картина бедствия такова, что если бы это случилось с армянами, а не с русскими, то вся Европа содрогнулась бы от ужаса”. “Зверства азербайджанцев” расписывали в красках, насколько позволяла фантазия, распаленная расправами над азербайджанцами в Армении и Нагорном Карабахе – теперь им уже мстили не за “геноцид”, случившийся три поколения назад, а за “Сумгаитских жертв”. В Степанакерте, ныне Ханкенди, оперативно установили “памятник жертвам геноцида”, изготовленный так быстро, что люди, знакомые с монументальной скульптурой, просто диву давались – через несколько месяцев после землетрясения в Армении, армянским строителям не удалось продемонстрировать столь же ударных темпов при восстановлении жилья.

А затем в интервью газете “Известия” тот самый А.Ф. Катусев приведет характерный пример, как тиражировались “ужасы Сумгаита”: “На днях в следственную группу поступило письмо жителя Армении Г.Б. Улубабяна. К письму он приложил и заявление гражданина В.Г. Григоряна, проживающего в Сумгаите. В заявлении говорится о гибели его жены и троих детей во время массовых столкновений. В связи с этим положением 4 июля Григорян представил следователю прокуратуры СССР точь-в-точь нижеследующее объяснение: “Мы все: я, жена, сын Павел и дочь Елена живы и здо-

ровы. У меня никогда не было сына по имени Владимир. Якобы жена и дети погибли. Я никогда, никому об этом не говорил и не бывал в Москве в связи с этим. Копия заявления, написанного от моего имени, мне доставлена. Однако, подпись не моя. Я подписываюсь не так. Все указанное в заявлении – выдумки”.

Такой же провокационной выдумкой являются и утверждения армянских лидеров, будто бы из соучастников Сумгаитского погрома в Азербайджане сделали едва ли не национальных героев. В Баку с самого начала рассуждали так: война – это одно, а закон и преступление – другое, и тут уже неважно, кто по национальности преступник, а кто потерпевший. Соучастники Сумгаитских событий были приговорены к длительным срокам заключения, суды выносили и смертные приговоры. И многие недоумевали, почему за одно убийство Талех Исмаилов был приговорен к расстрелу, а Эдик Григорян за пять убийств – только к 12 годам тюрьмы.

Но при этом в самой Армении не понес наказание ни один из организаторов и рядовых соучастников массовых убийств и изгнания азербайджанцев, русских, курдов-мусульман – притом, что на основании соучастия в «этнических чистках» сотрудникам правоохранительных органов Армении уже отказывают во въезде в США.

Но, увы, опровергнуть удавалось далеко не все и не всегда. И тем более никто не хотел слушать и слышать, что кроме беженцев-армян есть еще и беженцы-азербайджанцы, у которых просто не было возможности жить месяцами в Москве, раздавать интервью, собирать пресс-конференции...

А пока тот самый “Коммунист” сразу же опубликовал статью “Водораздел”: о том, что соседи-“турки” нисколько не изменились, что Сумгаит – это, мол, про-

должение “геноцида 1915 года” и теперь любой, кто считает, что армяне могут жить под властью азербайджанцев – предатель. Изгнание азербайджанцев из Армении началось с новой силой – теперь уже им мстили не за “геноцид” семидесятилетней давности, а за куда более свежий Сумгаит, и о том, кто на самом деле организовал погромы, предпочитали не вспоминать. Как и о том, что из 16 заявлений об изнасиловании подтвердилось только 2 – во всех остальных случаях молодые особы решили под шумок прикрыть старые “грешки”. По страницам газет гуляли старательно изобретенные “ужастики”, число жертв росло в геометрической прогрессии, и никто ни словом не вспоминал о том, что большинство сумгаитских армян нашли убежище в квартирах своих соседей и друзей – азербайджанцев и что если бы не эта коллективная солидарность, жертв было бы куда больше. Это просто не укладывалось в схему: азербайджанцев требовалось представить такими “двуногими зверями”, “варварами”, с которыми не может быть иного разговора, кроме как огней на поражение. И сегодня, когда уже становится ясно, какой интерес для Запада представляет наша страна, понятно, зачем Москве требовалось срочно очернить всех азербайджанцев в глазах мирового сообщества. Удивительно, но именно теперь, через 20 лет, начинают выплывать на поверхность многие события и факты. Уже после смерти всесильного шефа КГБ СССР Крючкова, британские СМИ сообщат, что именно он стоял за провокациями в крупных городах СССР, включая Сумгаит и Баку.

А тому, что погромы армян в Баку были организованы силовыми структурами бывшего СССР, существует немало доказательств. Вплоть до того, что неизвестный Тельман Гдлян, добываясь избрания в Верховный

Совет Армянской ССР, так как в Москве ему уже явно грозило уголовное преследование (копнул в Узбекистане слишком глубоко и еще в сторону Кремля), приводил на своих предвыборных митингах такой факт: войска к столице Азербайджана начали стягивать еще 12 января, и эти войска ничего не сделали для того, чтобы пресечь погромы армян, которые начались на следующий день.

Хронология тех событий описывалась в прессе многократно. В первые дни января напряженность на границе Азербайджана и Армении, а также в Нагорном Карабахе многократно возросла, и при этом силовые структуры бывшего СССР не оказывали никакого противодействия армянским боевикам, вооруженным боевым оружием, и даже не пытались пресечь устроенную ими кампанию террора против мирного азербайджанского населения. Бездействовали и официальные власти Азербайджана во главе с первым секретарем ЦК КП Абдурахманом Везириным, и в ответ на это бездействие НФА приступил к формированию собственных боевых дружин – правда, с расчетом на гладкоствольные охотничьи ружья, имевшиеся “в личной собственности”. Популярность же Народного Фронта Азербайджана росла на глазах, и уже мало у кого оставались сомнения, что на намеченных на февраль 1990 года выборах в Верховный Совет Азербайджана именно “фронтовики” возьмут большинство. А это уже открывало дорогу к “литовскому варианту” – провозглашению независимости и выходу из состава СССР, но уже республики, аннексированной не в 1940, а в 1920 году. Чего Москва даже теоретически допустить не могла. В особенности на фоне той самой уникальной стратегической важности Азербайджана, которую мы сами начинаем осознавать только теперь.

Так или иначе, очевидно, что армянским погромам в Баку первоначально отводилась роль повода для ввода войск в столицу Азербайджана – с тем, чтобы выборы в Верховный Совет прошли “под танками”. И именно здесь следует искать разгадку, почему московские “силовики” во главе с Бакатиным, тогда министром внутренних дел, а позже – преемником Крючкова на посту главы КГБ СССР, которые по сути дела контролировали деятельность в Баку всех правоохранительных органов, не делали ровным счетом ничего для пресечения погромов. Единственной силой, ПРОТИВОСТОЯВШЕЙ погромщикам, оказался Народный Фронт и его те самые дружины добровольцев. Члены дружин уже очень скоро заметили поразительную картину. Задержанных погромщиков, которые вели себя на удивление спокойно и уверенно, сдавали в милицию. А через пару часов снова ловили на улице, и снова – со списками армян. Как поясняли сотрудники ближайшего отделения, задержанного у них вскоре после ареста “забирали москвичи”, а вскоре он вновь оказывался на улице, и еще со списками армян. Комментарии, как говорится, излишни. Самое удивительное, что в Баку тогда запомнили многие подозрительные детали – вплоть до белой “Волги” с московскими номерами, руководившей погромщиками.

И самое удивительное, что уже к 15 января погромы в Баку удалось пресечь, причем исключительно “силами общественности” и НФА. 16 января в своем репортаже из Баку корреспондент радиостанции “Маяк” Леонид Лазаревич сообщил об этом во всесоюзном радиоэфире. И уже в ночь на 19 января спецгруппе КГБ “Вымпел” пришлось взрывать энергоблок телецентра в Баку, чтобы создать повод для ввода войск. И понятно, что судьба бакинских армян интересовала того же Дубиняка, При-

макова и уж тем более Горбачева в последнюю очередь – армянам в этом дьявольском сценарии Москвы, точно так же как и в “большой игре” стран Антанты во время первой мировой войны, отводилась роль “образцово-показательных жертв”. И в Москве не без оснований были уверены: армянские лидеры возражать не станут. И тут уже нелишне вспомнить о тех сенсационных признаниях, которые проскальзывали на страницах армянских СМИ в разгар предвыборной кампании, зимой 2007-2008 года.

Запоздалое признание

У политики, как известно, свои законы. И согласно им, любая предвыборная кампания – это в немалой степени еще и “война компроматов”. Выборы президента Армении, намеченные на март 2008 года, исключением не стали. А так как самым опасным соперником политического наследника правящей на тот момент команды – Сержа Саркисяна – оказался первый президент Армении Левон Тер-Петросян, то основной “залп компромата” со стороны властей пришелся именно в его адрес. В числе прочего, ереванские СМИ усиленно предавали огласке многие неприглядные страницы деятельности так называемого комитета “Карабах”, которым руководил будущий президент, на тот момент – научный сотрудник ереванского Матенадарана. В числе прочего, ереванская официальная газета “Голос Армении” опубликовала весьма интересное, хоть и запоздалое, признание, касающееся печально знаменитой кампании “массовых отравлений” в Армении на рубеже 1988-89 годов.

Напомним: впервые о ней за пределами Армении узнали из пугающего репортажа в программе “Время” советского Центрального телевидения, на тот момент – главной информационной программы страны. Согласно ему, дескать, работницы одной из текстильных фабрик Армении, вскрыв тару с пряжей, прибывшей из зловердного Сумгаита, вдруг ощутили непонятный резкий запах, затем последовал полный набор симптомов отравления. В происшедшем, как того и следовало ожидать, обвинили Азербайджан. Тем более что речь шла о Сумгаите, где совсем недавно “резали армян”.

Как теперь становится известно, за медицинской помощью обратились тогда 800 человек, 158 пришлось госпитализировать, и правоохранные органы не сомневались: речь идет о спланированной кампании, направляемой из единого центра. Армению охватила самая настоящая паника. Доходило до смешного: в один из райцентров прибыла семья армян из Азербайджана, со всем имуществом, включая холодильник “Чинар” и вареную курицу, которая была съедена в Армении после путешествия из Баку, со всеми ожидаемыми медицинскими последствиями, после чего жители поселка тут же высыпали на митинг с криками “Найдите отравителей”!

А многие принимались “мстить”. Кто за Сумгаит, кто за “геноцид 1915 года”, и мстить азербайджанцам, жившим рядом, по соседству.

Однако подробности кампании, в которой, конечно же, обвиняли Азербайджан, огласили только теперь, когда того потребовали внутривосточные интересы. И, как теперь указывает “Голос Армении” со ссылкой на материалы уголовных дел, “за небольшой отрезок времени (с 1 декабря 1988 по сентябрь 1989 года) было зарегистрировано более семи десятков фактов массовых отравлений рабочих на предприятиях и служащих” и лишь в семи случаях удавалось найти азербайджанское сырье (но не доказательства, что именно оно послужило причиной массового отравления).

Только вот “отравителями” выступали армянские же “революционеры”. В газету попал рассказ одного из них, некоего Вовы Хартяна, который был осужден за то, что “решил вызвать недовольство людей в отношении властей, дезорганизовав работу фабрики, имея искаженные представления о национальных интересах”. Как рассказывает теперь сам Вова Хартян, “на нашей фабрике ра-

ботало более 800 человек. Из Азербайджана мы сырьем не получали. Администрация предприятия беспокоилась в связи с возможностью смуты и требовала, чтобы фабрика работала, невзирая на то, что другие предприятия не работают. Я и сам с семьей часто ходил на митинги. На Театральной площади познакомился с ребятами из движения. Несколько раз по утрам, приходя на работу, мы натыкались на разложенное на территории фабрики сено. Думаю, это был намек на то, что мы – скоты, потому что работаем в то время, когда вокруг революция. А однажды я обнаружил записку, на которой было написано: “Вы – турки, работаете, не участвуете в революции”. Наверное, это делали такие же патриоты, как я. Представляете, как мне стало обидно”. И тогда Харатьян решил действовать. “У нас на фабрике было вещество “Б-58”, которым опрыскивали деревья фабричного сада. Когда открываешь сосуд, распространяется ужасная вонь, – рассказывает он. – Этот ядохимикат находился под лестничной клеткой, ведущей на второй этаж. Кстати, вещество всегда было на фабрике и каждой весной там проводились опрыскивания. Я открыл флакон, в котором находилось около 200 граммов вещества, и оставил его на лестничной площадке. Запах стал распространяться. Люди обрадовались, дескать, отравляемся, работать не будем. Это был всего лишь повод. От этого запаха никто не мог отравиться. Мы не хотели никого травить. Задача была в том, чтобы не работать, поднять шум, создать ажиотаж и панику, чтобы люди вышли. Спустя 2-3 часа я повел людей к Опере”. Впрочем, далеко не всегда травили понарошку.

Давать оценки кандидатам на чужих выборах – дело заведомо неблагодарное. Однако история с эпидемией отравлений – это еще и красноречивое доказательство,

как легко в Армении иные “революционеры”, “патриоты”, провокаторы – называйте, как хотите – устраивают своим же соотечественникам демонстративное кровопускание “ради поднятия духа нации”. И потом с легкостью обвиняют во всем “исторических врагов”.

И это, увы, не случайный эпизод в истории армянских “революционеров”, которые легко приносили в жертву не только азербайджанцев, но и собственных соотечественников.

Содержание

Земля и воля	4
История притязаний	8
Забытая история	15
Уступка в обмен на... что?	17
Кто заказывал войну?	22
Выбор жертвы	26
Провокаторы бьют по своим, или жертвоприношение по-армянски	28
Хроника трагедии: что за кадром?	30
Запоздалое признание	47

Редактор:

Махир ДЖАВАДОВ

Графика и дизайн:

Джейхун МАХМУДОВ

Араз АШУРОВ

НУРАНИ

**ТРАГЕДИЯ
ДЛИНОЙ
В ДЕСЯТКИ ЛЕТ**

БАКУ-2008

Сдано в набор 30.01.08. Подписано к печати 02.02.08.

Формат 60X84 ¹/₁₆. Усл. печ. лист 3,25, Тираж 500.

Отп. в ООО «Издательский дом «Letterpress»